

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Тяжелый свет Куртейна. Желтый / Макс Фрай. —
Москва: Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Другая
сторона)

ISBN 978-5-17-116497-3

Это вторая часть большой трилогии о людях, духах, котях, полицейских, ангелах, морях и трамваях города Вильнюса и его изнанки. Или же просто второй слог заклинания, при помощи которого можно открыть если не сияющие небеса, то как минимум путь в свой личный, вместе с раем утраченный миф.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-116497-3

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Dajte Juri slanine,
Da vam tjera vuka s planine!**

* Перевод: Дайте Юрию сала, чтобы он вам прогнал волка с гор! (хорватский). Одна из хорватских песен в честь Весеннего Юрьева дня.

Луч ярко-желтого цвета /#fee715/

Жанна

Явное становится тайным, явное становится тайным! — вот что крутилось весь вечер у нее в голове. Простой, в сущности, перевертыш, но Жанну эта фраза натурально окрыляла, как всякая веселая глупость, которую она, зная себя, была совершенно уверена, не способна придумать, а значит, свалившаяся на нее — с неба, не с неба, поди пойми откуда, но — сама, факт. От таких условно небесных глупостей у Жанны неизменно поднималось настроение, а в заднице заново — всякий раз заново! — рождалось то самое вдохновенное шило, ради которого имело смысл быть Жанной все остальное время, то есть в промежутках между проявлениями этого божественного шила, божественными шилоявлениями; смешно, конечно, но нет, не смешно.

Жанна знала, что просто сидеть, наслаждаясь этим счастливым внутренним звоном, последнее дело, деньги на ветер. Вдохновенное шило требует немедленных действий, таких же вдохновенных, необязательных и дурацких, как оно само. Будешь бездельничать, шило истончится, растает, рассеется, не оставив по себе даже мало-мальски внятных воспоминаний — о чем вспоминать, если ничего толком не было? И нескоро вернется, живи потом, как дура, без него. А потраченное с толком возвращается быстро, с процентами; чем больше потратишь, тем больше наваришь, такой удивительный парадокс.

Поэтому Жанна легко и быстро (очень условно быстро и еще более условно легко) одолела естественную лень, охватывающую всякого нормального человека, поставленного перед перспективой добровольно выйти на улицу поздним ноябрьским вечером. Лень такого рода больше похожа на инстинкт самосохранения; настолько похожа, что, возможно, это он сам и есть, но к черту инстинкты, человек — существо слишком сложное, чтобы позволить себе их иметь.

Сложное существо человек натянуло на свою нижнюю половину сложную же конструкцию под названием «колготки»; верхней половине досталась конструкция попроще, под названием «платье-мешок». Это гениальное изобретение неизвестного милосердного портного примиряет одновременно с целой кучей неприятных вещей: с первыми ноябрьскими холодами, подлинный ужас которых заключается в том, что они — только начало, обещание долгих будущих холодов; с наличием живого трепетного тела, наделенного досадной способностью от них страдать; с необходимостью паковать себя в чертову прорву тряпок и с общей нелепостью мироустройства в целом, зачем-то включающего все вот это вот.

— Я ненадолго, — сказала она Шерри и Черри. Дочка флегматично угукнула из своей комнаты, не отрываясь от мотка толстой проволоки, который по удивительному стечению обстоятельств был ее домашним заданием по скульптурному моделированию. Кошка недоверчиво дернула ухом, дескать, знаю я твое «ненадолго», небось опять на полдня уйдешь. И была неправа: Жанна планировала провести на улице не больше часа. Для долгих прогулок погода немного не та.

Надела коричневый пуховик с меховой оторочкой на капюшоне, хороший, в смысле качественный, теплый, но страшный, как конец времен. То есть не сам по себе страшный, просто на Жанне он смотрелся совершенно чудовищно, каким-то образом превращал ее в почти по-

жилую солидную тетку, на два размера больше, чем есть. Купила его год назад на распродаже, специально для этого. Чтобы казаться солидной неповоротливой теткой в годах, от которой настолько невозможно ожидать ничего из ряда вон выходящего, что если кто-то собственными глазами увидит, как она рисует на стенах или лезет через забор, все равно решит — померещилось. Плащ-невидимка, а не пуховик.

Шапка-невидимка у Жанны тоже была. Обычная вязаная шапка невнятного темно-бежевого цвета, можно сказать, цвета самой солидности, с оттенком приличия. Женщинам с бирюзовыми волосами такую в хозяйстве лучше иметь.

В последний момент спохватилась, разулась, пошла в свою спальню, порылась в шкапулке: сколько у меня еще глаз? Глаз осталось всего шесть штук, четыре зеленых, два светло-серых; маловато, но ладно, лучше, чем ничего.

Глаза были куплены еще летом, в китайском интернет-магазине, оптовой партией, то есть, сразу почти полкило. Они предназначались для самодельных кукол, поэтому были более-менее похожи на человеческие глаза. Немного неудобно, что не плоские на липучках, а со специальными стерженьками, так что на стену, например, не наклеишь. Но можно засовывать их в щели, вкапывать в землю на городских клумбах, цеплять к древесным ветвям, а еще ввинчивать в овощи и фрукты. Голубоглазый кочан капусты — зрелище для сильных духом, Жанна до сих пор гордилась этим изобретением. Впрочем, внимательно взирающие на окружающих апельсины и яблоки тоже вполне ничего.

Яблок в доме было с избытком; когда у тебя много подруг, и у каждой домик в деревне, это вполне неизбежно. Яблоки в здешних краях скорее напасть, чем благо — в том смысле, что осенью их становится некуда девать, сколько сока и компота ни заготовливай на зиму, яблоки неисчерпаемы, и тогда всякий человек, не обремененный

своим яблоневым садом, становится крайне полезным знакомством. Очень много яблок можно такому бедолаге отдать. Жанна была этим самым полезным человеком без сада. И не умела отказывать людям, приходящим с дарами. Поэтому яблок у нее скопилось несколько больше, чем надо для счастья. И некоторые уже начали мрачно подгнивать.

В таких непростых обстоятельствах унести из дома три яблока — хороший, добрый поступок. Хотя три — это все-таки слишком мало. Но лучше, чем ничего, — думала Жанна, засовывая в карман пуховика яблоки. Два зеленоглазых в правый, сероглазое — в левый. Можно идти.

Все ноябрьские вечера по-своему хороши, но воскресный ноябрьский вечер, ветреный и сырой, прекрасен по-настоящему — в том смысле, что в городе, даже в самом центре не просто малолюдно, а вообще никого, хоть документальное кино про камерный, тихий, гигиеничный конец человечества снимай.

Ладно, не так все страшно. То есть не настолько замечательно, как хотелось бы. Время от времени из тьмы все-таки возникают какие-то антропоморфные тени — одинокие пьяницы, злые духи, выскочившие за хлебом матери семейств, загулявшие ангелы с поникшими крыльями, владельцы собак, юные влюбленные пары, которым негде уединиться, и плохо проинструментированные перед полетом инопланетяне; последних выдают несомнимые с органической жизнью элементы гардероба, вроде босоножек и тряпичных летних панам. Впрочем, важно не это, а то, что вечерним воскресным проходим обычно нет дела до того, что творится вокруг, так что можно не принимать их в расчет.

Можно-то можно, — думала Жанна, вынимая из кармана промышленный флуоресцентный мелок бледно-салатного цвета, — а все-таки лучше, чтобы никто меня

не застукал. По сторонам надо посматривать, осторожность не повредит.

Первая надпись появилась в соседнем дворе, где и солнечными летними днями никто, кроме жильцов особо не ходит. Поэтому начинать — просто для разогрева — с него хорошо. «Явное становится тайным», — написала Жанна на асфальте крупными, по-детски кривыми буквами, почерк у нее всегда был не ах; по-хорошему, человеку с такой придурью следовало бы заняться каллиграфией, или хотя бы освоить самый простой чертежный шрифт но на это никогда не было времени, да и желания, честно говоря, тоже не было. Если уж Небесную Канцелярию я, криворукая, устраиваю, остальным тем более сойдет. Кто станет придирается к почерку, увидев в темноте загадочную мерцающую надпись, — думала Жанна, — сам дурак.

Вторую надпись Жанна сделала на новеньком строительном заборе, удачно возникшем на ее пути, третью — поперек тротуара на улице Раугиклос, такую размашистую, что последнее слово пришлось дописывать ниже, не уместилось в одну строку. Там же она оставила первое зеленоглазое яблоко — на капоте одного из припаркованных автомобилей, оранжевого ниссана-жука, очарованная его задорным цветом и наивной мордой.

Напоследок легонько щелкнула глазастое яблоко по звонкому спелому лбу, просто так, от избытка всего сразу — чувств, сил, эмоций и дури, конечно же, дури, как без нее — и пошла в направлении Старого города, стараясь не слишком подпрыгивать на ходу, просто ради спокойствия своего солидного гардероба, чтобы не зря старался, превращая в приличную женщину нелепое черт знает что. С близкими надо обходиться бережно. Даже когда эти близкие — шапка и пуховик.

Жанна была неудавшейся художницей, вполне удавшимся, судя по количеству довольных ею клиентов, бухгалтером, вот прямо сейчас понемногу, шаг за шагом

удающимся ювелиром и ответственной за мелкие городские чудеса. Она сама себя на эту должность назначила за неимением соответствующего официального ведомства. Ну то есть как — назначила. Просто однажды решила, что теперь будет так.

Девять лет назад Жанна приехала в этот город к своему мертвому бывшему мужу; ну, то есть понятно, не к самому мертвецу, а в квартиру, по наследству перешедшую их общим детям. Приехала ненадолго, разобраться с бумагами, неожиданно для себя очаровалась городом и вдруг, как бы ни с того, ни с сего, решила: если уж все так сложилось, почему бы нам не попробовать здесь пожить? Родня и знакомые считали, что она чокнулась, если готова вот так, без оглядки, как в пропасть броситься неведомо куда; сама Жанна была с ними вполне согласна, но твердо стояла на своем. Потому что когда сама судьба предлагает: а давай-ка мы тебя поменяем, — грех ее не послушать. Судьбе лучше знать. К тому же терять ей было, честно говоря, нечего. Ладно, почти нечего. Маленькое, жалкое, перепуганное «почти».

Первый год на новом месте дался ей нелегко. Во-первых, конечно, из-за мертвого мужа. Пока он жил где-то далеко и звонил только детям, Жанна думала, что давным-давно его разлюбила: бессмысленно продолжать любить человека, который сам, в здравом уме и твердой памяти от тебя ушел. Но когда он стал мертвым, с которого вроде бы никакого спроса, одна только растерянная благодарность за то, что вообще был, Жанна поняла, что до сих пор его любит, особенно когда он обнимает ее — не руками, но всем своим домом, ластится одеялами, щекочет сквозняками, касается губ кофейными кружками — и понемногу сходила с ума от этой явственной, почти физической близости с тем, кого больше нет.

Были, конечно, еще «во-вторых», «в-третьих», «в-четвертых», «в-пятых» и так далее, если не до бесконечности, то что-то вроде того. Все эти невыносимые

хлопоты с переездом, устройством, документами, своими и детскими, многочисленными препятствиями, наименьшим из которых оказался языковой барьер, потому что в подавляющем большинстве случаев можно было обойтись русским или английским, а когда все-таки нельзя, просто заплатить за перевод. С одной стороны, дела отвлекали от невыносимой, ненужной любви к мертвому бывшему мужу; с другой, они сами по себе вполне могли свести с ума человека покрепче Жанны. А сходить с ума было нельзя, потому что — ну, в первую очередь, дети. Им тоже непросто. Когда так резко меняется сразу все, рядом должна быть веселая, бодрая, оптимистичная мама, а не очумевшее не пойми что.

Справиться Жанне помог сам город — деятельно, ежедневной поддержкой и заботой, как обычно помогают близкие люди, а не города. Прежде она и вообразить не могла, что бывают города, способные совершенно почеловечески, только с гораздо более мощным эффектом, успокаивать и утешать.

В первый же месяц обнаружилось, что стоит выйти на улицу — усталой, раздавленной, в полном душевном раздрае, с добрым десятком неразрешимых проблем в голове — пройти буквально пару-тройку кварталов, и сама не замечаешь, как выравнивается дыхание, выпрямляется спина, понемногу поднимается настроение, успокаиваются мысли, приходят решения, и обстоятельства складываются настолько удачно, насколько это вообще возможно, и еще чуть-чуть сверх того.

Бонусом ко всему этому прилагались вполне очевидные мелкие чудеса — то, что Жанна вслух называла забавными происшествиями, а наедине с собой — именно чудесами. Надписи на стенах так часто оказывались ответами на мучившие ее вопросы, от неопределенно-приятного обещания «Твоя жизнь будет счастливой» до очень конкретного совета «Позвони прямо сейчас», — что глупо было продолжать считать их просто случайными совпа-

дениями; впрочем, Жанна и не думала так. Ну, может быть, в самом начале, да и тогда не то чтобы именно думала, просто никак не решалась поверить, будто весь мир — ладно, не мир, а город — говорит с ней человеческим языком, а когда слов оказывается недостаточно, ветром приносит в руки синюю бумажную птицу; оставляет на подоконнике третьего, на минуточку, этажа смешного керамического ангела; сталкивает нос к носу с другом юности, который здесь случайно, проездом, всего на четыре часа; подбивает уличных музыкантов играть ее любимые песни; окутывает таким густым туманом, что рук не видно, а купленную на ярмарке миску заворачивает в обрывок старой афиши того самого фильма, в котором она когда-то, вечность назад, в студенческие времена снималась в массовке и познакомилась с будущим мужем, натурально подмигивает — смотри-ка, что я о тебе разузнал!

Со временем жизнь, конечно, наладилась; строго говоря, она началась. Самая настоящая новая жизнь, как из книжки, даже более радостная и полная, чем Жанна себе представляла, когда рискнула ее изменить. По горло занятая работой, детьми, захваченная новыми друзьями и увлечениями, она не сразу заметила, что восхитительных мелких, необъяснимых, когда-то почти каждодневных чудес стало гораздо меньше. А когда наконец заметила, не то чтобы всерьез огорчилась, сама понимала — у меня теперь все в порядке, больше не нужно нянчиться и утешать — но, положила руку на сердце, все-таки огорчилась. Ей стало этого не хватать.

Однажды решила спросить его — город, как будто он был человеком — поздно вечером, в совершенно пустом переулке, где можно говорить вслух, не опасаясь, что кто-то услышит: «Ты меня вообще еще любишь?» — и почти сразу наткнулась на стену, сплошь исписанную граффити, где поверх множества пестрых бессмысленных надписей и неумелых рисунков красовалось старательно выведенное огромными синими буквами TAIP — в пере-

воде с литовского «да», восемь штук восклицательных знаков и кривое зеленое сердце в нагрузку. Рассмеялась: «Спасибо, я тебя тоже!» — несколько дней натурально летала на крыльях этой счастливо разделенной любви, а потом вдруг совершенно всерьез задумалась, как его отблагодарить. Что вообще человек может сделать для целого города, если он при этом не мэр, не член какого-нибудь совета, не приглашенный начальством для консультаций специалист? Ничего не могла придумать, пока не зашла в дочкину комнату, где хранился целый мешок белых бумажных цветов, вырезанных для какого-то мероприятия в художественной школе, которое потом то ли отменилось, то ли резко сменило концепцию; в общем, цветы оказались не нужны, а сжечь их в камине рука не поднималась, все-таки дочкин труд. Тут-то Жанну наконец осенило, вернее, подхватило и понесло — таким мощным потоком, что сопротивляться было бесполезно, таким веселым, что она и не стала бы сопротивляться, даже если бы могла.

Восхищенно ужасаясь собственной дурости, Жанна весь вечер крепила к цветам толстые нитки и тонкую проволоку — черт его знает, что лучше держит, пусть будет и так, и так. Когда закончила, время уже приближалось к полуночи, но все равно сразу же, не откладывая на завтра, пошла в Старый город, там у нее на примете был один проходной двор, уютный, засаженный шиповником и спиреями, хорошо известный всем старожилам, с удовольствием срезающим через него путь. Это казалось важным — чтобы как можно больше свидетелей увидели покрытые цветами кусты и в первый миг поверили, будто они и правда зацвели в декабре. А разобравшись, поняли, что нашелся какой-то псих, не поленившийся битый час задубевшими на морозе пальцами аккуратно прикреплять к веткам бумажные цветы, что в общем-то тоже вполне себе чудо, может даже похлеще настоящего цветения посреди зимы.